

Л.Н. Хаховская*

МОРСКОЙ ЗВЕРОБОЙНЫЙ ПРОМЫСЕЛ ЧУКОТКИ
В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена этническим аспектам развития морского зверобойного промысла Чукотки в советское время. Автор прослеживает ход советской модернизации отрасли, переход от традиционных методов промысла к более совершенным в техническом и технологическом отношении, а также сопутствующие этому социальные изменения и констатирует, что в позднесоветское время в сфере морского промысла сложились острые технологические и социальные диспропорции.

Ключевые слова: морской зверобойный промысел, Чукотка, эскимосы, приморские чукчи, советская модернизация

Marine mammal hunting in Soviet Chukotka: ethnographic aspect.
LYUDMILA N. KHAKHOVSKAYA (N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article is devoted to the ethnic aspects of the development of the marine mammal hunting in Chukotka in the Soviet era. The author traces the course of the Soviet modernization of the industry, the transition from traditional hunting methods to more technically advanced ones, as well as the resulting social changes, and states that by the late Soviet period the field of marine mammal hunting has been experiencing sharp technological and social disproportions.

Keywords: marine mammal hunting, Chukotka, Eskimos, settled Chukchee, Soviet modernization

Морской зверобойный промысел как отрасль присваивающего природопользования был характерен для коренных жителей прибрежных районов Чукотки, омываемых водами Берингова, Чукотского и Восточно-Сибирского морей. В этом регионе морские млекопитающие представлены примерно двумя десятками видов ластоногих и китообразных. В числе ластоногих – тихоокеанский морж, морской заяц (лахтак), кольчатая нерпа (акиба), пестрая нерпа (ларга), полосатый тюлень (крылатка) и

сивуч. Китообразные представлены усатыми и зубатыми китами и дельфинами, в их числе – гренландский кит, синий кит, калифорнийский серый кит и другие. Практически все виды морских зверей добывались в рамках традиционного природопользования коренных жителей, при этом объекты промысла различались. Китобойный промысел был развит в районе Берингова пролива, залива Лаврентия, Мечигменской губы и мыса Чаплина. На территории от Анадырского залива до мыса Рыркайпий до-

* ХАХОВСКАЯ Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: hahovskaya@gmail.com

© Хаховская Л.Н., 2023

бывали также моржа. К западу от мыса Сердце-Камень моржовый промысел значительно сокращался, поэтому жители северных селений Чукотки занимались в основном охотой на лахтаков и мелких ластоногих (ларга, акиба) [3, с. 110].

В данной статье будут рассмотрены этнические аспекты развития морского зверобойного промысла Чукотки в советское время. При этом для того, чтобы показать масштабы сдвигов, произошедших в интересующий нас период, предварительно будут описаны традиционные способы охоты на морских животных, существовавшие на протяжении длительного времени. Исследование опирается на широкий круг источников: архивные материалы, представленные документами партийных, советских и хозяйственных организаций, а также материалы периодической печати.

В рамках традиционного природопользования основная масса добычи использовалась внутри домохозяйств, при этом все части морских животных утилизировались без остатка. Но обращение с добытыми животными не было исключительно утилитарным: большое значение коренные жители придавали символическому поведению, которое основывалось на представлениях о том, что зверь приходит к людям в гости, его необходимо достойно встретить и проводить. Ярким примером этого является чукотско-эскимосский праздник моржовых голов, когда каждый охотник, добывший зверя, согласно традиции, обязан был провести с его головой предписанные обряды, завершавшиеся выносом накопленных за сезон голов на жертвенное место. В результате сезонных промысловых церемоний вблизи береговых сел образовывались «мемориалы» из голов и костей добытых животных, которые становились сакральными объектами и жертвенниками [14, с. 76].

Со второй половины XIX в., под влиянием обменных операций с американской стороной, продукция морского зверобойного промысла начинает приобретать товарное значение. Спросом стали пользоваться клыки моржей, китовый ус, жир и шкуры моржа, нерпы и лахтака. Это создавало условия для развития частной собственности, становления имущественного и социального неравенства. В среде морских зверобоев Чукотки стали появляться богатые агенты-торговцы – Тынэскин-Оой из с. Уэлен, Алитет из с. Рыркайпий, Кувар из с. Чаплино,

которые «продают вещи своим же собратям неимоверно дорого» [3, с. 111]. В конце XIX – начале XX вв. побережье Чукотского полуострова представляло собой непрерывную цепочку чукотских и эскимосских поселений с определенными границами и сезонными охотничьими стоянками. Тесные родственные и торговые связи между соседними поселениями помогали устанавливать правила природопользования. Эксплуатация природных объектов, наиболее ценными из которых были моржовые лежбища, носила договорной характер, хотя иногда случались и конфликты. Так, чукчи-уэленцы совместно с эскимосами села Наукан использовали моржовое лежбище у мыса Кэнь-ынэн. Если одна из сторон нарушала договор о совместной охоте, то возникала ссора. Последняя из них произошла в 1920-х гг.: «Науканцы, не уведомив уэленцев, решили колоть моржей на лежбище. Уэленцы узнали и на двенадцати байдарах прибыли к месту. Завязалась драка. Уэленцы били эскимосов нерпичьими рукавицами, наполненными галькой, их было больше, и они жестоко расправились с науканцами» [5, с. 30]. Впоследствии в регулирование режима морской охоты включились органы советской власти.

Состояние биологических ресурсов, служивших объектами охоты (кит, морж, в меньшей степени – лахтак, нерпа), было подорвано их хищническим истреблением американскими промысловиками в досоветский период, поскольку они использовали современные плавательные средства и вооружение. Под влиянием промысловых практик американцев существенно изменились и способы морской охоты аборигенов: вместо традиционных метательных гарпунов и добойных копий все чаще применялось огнестрельное оружие, байдары частично заменялись вельботами, стали использоваться моторы. Такие технические усовершенствования были доступны прежде всего зажиточным охотникам. Однако даже использование огнестрельного вооружения и более совершенных плавсредств не гарантировало такой размер добычи, который бы устранил угрозу голода среди оседлых жителей. Морские зверобои Чукотки периодически испытывали нехватку продуктов, постоянно находились перед угрозой собственной голодной смерти и падежа собак от бескормицы.

Смена в стране государственной власти и политического строя на первых порах мало

отразилась на хозяйственной специализации оседлых жителей Чукотки. Каждый взрослый мужчина – житель берегового селения – был охотником, главой домохозяйства, члены которого размещались, как правило, в отдельном жилище (яранге). Помимо натурального потребления продукции морского зверобойного промысла внутри домохозяйств, источником их жизнеобеспечения оставалась продажа в сохранявшиеся фактории и вновь возникавшие кооперативы сырья (мех пушных зверей, шкуры и жир морских животных) и изделий, производство которых было хорошо освоено населением в досоветское время: резная и «рисованная» кость и так называемая рухлядь (меховые штаны, торбаса, тапочки, чижы, коврики). Обладатели собачьих упряжек зарабатывали каюрством [13, с. 173].

Советская власть была вынуждена решать проблемы, сложившиеся в регионе в предшествующий период. В первые советские годы руководители региона столкнулись с необходимостью, во-первых, постоянно организовывать и контролировать ход добычи, чтобы население не голодало, во-вторых, перевооружать зверобоев техническими средствами (оружие, плавсредства), в-третьих, наладить регулярное снабжение прибрежных поселений привозными товарами и продуктами, отчасти заменяющими традиционную пищу. В соответствии с общим направлением советской модернизации основой реформирования местного экономического уклада стало создание коллективных хозяйств. К 1934 г. на Чукотке из 60 коллективных хозяйств 40 были морзверобойными, созданными в форме товариществ или артелей [2, с. 26]. Морская охота оставалась ведущим направлением присваивающего хозяйства береговых селений Чукотки в первые советские десятилетия. Промысел основных видов морских зверей – моржа, лахтака и нерпы – служил источником питания береговых жителей и доходов вновь образованных коллективных хозяйств.

Играя решающую роль в жизнеобеспечении аборигенов и экономики колхозов, морской промысел также служил основой развития пушной охоты, транспортного собаководства и кустарных промыслов. Именно поэтому объемам морской добычи органы власти придавали первостепенное значение, планируя их постоянный рост. Однако предпринимаемые советской и партийной администрацией

попытки директивно интенсифицировать эту отрасль длительное время не давали эффекта: планы добычи морских животных из года в год не выполнялись. При этом в 1930-е – 1940-е гг. наблюдалась резкая дифференциация результативности промысла по видам морских животных: если с лахтаком и нерпой дела обстояли сравнительно благополучно, то морж становился все более редкой добычей охотников. Это снижало количественные показатели: чтобы заменить одного моржа, требовалось добыть полтора десятка нерп или около десятка лахтаков. Кроме того, морж для чукчей и эскимосов всегда был более желанной добычей, его мясо и жир были наиболее ценной пищей (Государственный архив Магаданской области, далее – ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 77. Л. 10; Д. 84. Л. 99).

В этот период промысел продолжал вестись в основном традиционными средствами, требовал значительных людских усилий и был небезопасен для охотников. Оснащение коллективных хозяйств новыми техническими средствами было недостаточным. Не хватало вельботов, рульмоторов, огнестрельного оружия, при этом часть промысловых судов и боевого снаряжения находились в изношенном или даже неисправном состоянии. Существовали и социальные причины низкой эффективности промысла, которые заключались в сложившемся менталитете морских охотников: наращивание объемов добычи являлось внешней задачей, контроль за ее воплощением в жизнь вела партийная, хозяйственная и советская администрация. Мотивировать же самих морских зверобоев к сознательной интенсификации их усилий удавалось далеко не всегда, поскольку они довольствовались той добычей, которая уже имелась. Добывать же впрок свыше необходимого в ближайшее время потребления в традиционной культуре считалось предосудительным. В результате промысловые хозяйства в 1930-е – 1940-е гг. постоянно находились на грани критического положения из-за реальной угрозы голодовок вследствие скудного морского промысла.

Эта особенность традиционного природопользования морских зверобоев Чукотки, безусловно, была укоренена в далеком прошлом и имела связь с моделями поведения, присущими их предкам. Относительно присваивающей экономики традиционных обществ антропологи выделяют два основных способа жизнеобес-

спечения в зависимости от масштаба использования ресурсов. Один из них направлен на постоянное увеличение добычи для изготовления все большего объема продуктов питания, материалов для жилищ, одежды, орудий труда. Возможно, такая «экофобная» (в классификации С.А. Арутюнова) модель поведения была присуща предкам эскимосов в отдаленном прошлом, отголоски которого проявлялись и в более позднее время, вплоть до современности [1, с. 375, 376]. Другой же способ жизнеобеспечения, напротив, нацелен на минимальную добычу, которая обеспечивает этнос лишь самым необходимым, критически важным для выживания [11, с. 19–45]. Морские зверобои Чукотки накануне установления и в первые годы советской власти придерживались скорее второй модели, которая характеризуется М. Салинзом как «недопроизводство» [11, с. 53], позволяющее обществу более рационально и экономно использовать свои силы и ресурсы и при этом обеспечивать выживание.

В конце 1940-х гг. из-за недостаточного промысла моржа в чукотских береговых поселениях возник серьезный дефицит мяса и жира. Это создало трудности с обеспечением людей и ездовых собак пищей, также не хватало жира для освещения и отопления жилищ. Плохо обстояло дело с хранением и переработкой продукции морской охоты: погреба и ледники в колхозах отсутствовали, складирование мяса и жира продолжалось в традиционных мясных ямах. Источником прибыли могли бы служить готовые изделия из кожи и меха – торбаса, штаны, тапочки, но такой организованный промысел не был налажен ни в одном колхозе, а осуществлялся, как и прежде, индивидуально, на дому, и зависел от возможностей и желания самих жителей, прежде всего женщин. Выделку меха и кожи они вели традиционными инструментами и способами, затрачивали много времени, поэтому объемы продукции были небольшими.

До середины XX в. большинство береговых жителей Чукотки жили и вели свое хозяйство так, как и в досоветские времена, – «как единоличники», числящиеся колхозниками лишь на бумаге. Аборигены были «разбросаны по хуторам и там, где ни заблагорассудится», в колхозах отсутствовал «повседневный и единый учет», правления «работали плохо и существовали формально» (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 77. Л. 18). Усилия советской администрации

в 1940-х гг. были направлены в основном на то, чтобы береговое население само обеспечивало себя продуктами морской охоты в достаточном количестве. Эту цель преследовали спускаемые колхозам и бригадам планы, этого добивались уполномоченные, которых ежегодно на время весенней охоты посылали в хозяйства для организации промысла и контроля за действиями охотников, для этого проводилось обновление промыслового флота и инвентаря.

Государственный план по сдаче продукции колхозы не выполняли, главной их задачей было самообеспечение жителей и некоторое оживление экономики коллективных объединений за счет внутренних обменов и децентрализованных поставок. Однако артели и товарищества с трудом справлялись даже с собственным жизнеобеспечением. При этом колхозники продолжали вести и индивидуальную охоту, в особенности зимой. Каждый взрослый мужчина приморского селения, как правило, был морским зверобоем, который так характеризовал свое оснащение для зимней охоты: «В образцовом порядке держу ... личное охотснаряжение – закидушки с ремнем длиной в 30 метров, палки длинные с крючками и палки короткие для работы в торах. Имею всегда запас ремней для перетаскивания добытого мяса, жира, шкур» [6].

Такой способ хозяйствования был близок традиционному как в экономическом, так и в социальном плане, он консервировал традиционный уровень развития береговых поселений. Советская администрация старалась преодолеть эту архаику. Для того, чтобы поднять морской зверобойный промысел на новый уровень, было принято решение организовать моторно-зверобойные станции (МЗС), оснастить их промысловым флотом и современным оружием, с помощью которых обслуживать береговые колхозы, помогая им в промысле. В конце 1940-х гг. в Чукотском районе Чукотки была развернута работа Пloverской МЗС, которая оказывала помощь 27 зверобойным бригадам. В промысловый сезон 1948 г. станция предоставляла этим бригадам для промысла 6 безмоторных вельботов, 1 моторный вельбот, 3 сейнера и 2 шхуны (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 77. Л. 13). Позднее была введена в строй Мечигменская зверобойная станция. С ростом материально-технической базы обе станции были преобразованы в морские зверобойные комбинаты, хотя на всем протяжении своей

деятельности эти структуры оставались плано-увыбыточными (ГАМО. Ф. П-891. Оп. 1. Д. 8. Л. 7).

В целом в 1930-е – 1940-е гг. основной задачей развития морского зверобойного комплекса оставалось обеспечение жизненных потребностей коренного населения, предотвращение голода в береговых поселках. Этим была обусловлена установка на интенсификацию промысла и увеличение добычи. При общем сохранении традиционной технологии добычи и переработки шло значительное совершенствование орудий промысла и водных плавательных средств. В то же время добыча, переработка и потребление продукции промысла осуществлялись в рамках традиционного хозяйства. Туши морских животных утилизировались полностью: мясо и жир шли на питание людей и кормление многочисленных ездовых собак, жиром также освещались яранги, шкуры шли на ремни, одежду и обувь, на покрышки каяков и байдар. В дело шли также внутренности (для корма собак, для пошива дождевиков) и кости (они заменяли дрова). Сохранялся традиционный обмен с кочевниками-оленеводами, которые также нуждались в шкурах и жире морских животных.

Со второй половины XX в. вследствие значительного организационного, технического и технологического вклада морзверобойных комбинатов колхозы добились устойчивого роста добычи. При этом на долю крупных плавсредств (шхун и сейнеров-китобойцев), пре-

доставляемых комбинатами, приходилось 50% добычи, в то время как колхозы продолжали охотиться на вельботах, оснащенных рульмоторами (ГАМО. Ф. П-891. Оп. 1. Д. 1. Л. 3). К концу 1950-х гг. среднегодовая добыча морского зверя в колхозах Чукотки составляла по количеству голов 21–22 тыс., по массе – 50–65 тыс. ц. С точки зрения видового состава добычи по массе преобладали моржи, а в количественном отношении – нерпы.

Морж в традиционной культуре эскимосов и приморских чукчей был наиболее желанным объектом добычи и, как правило, утилизировался полностью. Традиционным способом промысла была поколка на береговых лежбищах, среди которых основными были Дежневское (его осваивали охотники сел Уэлен и Инчоун), Инчоунское (с. Инчоун), Рэткын (с. Энмелен), Сердце-Камень (с. Энурмино), Колючинское (с. Нутепельмен) (Рис. 1). Однако к концу 1950-х гг. из-за активной охоты поголовье моржей сильно сократилось, поэтому в целях сохранения вида промысел моржа нуждался в строгом контроле и ограничении. С 1959 г. был запрещен отстрел моржа на лежбищах Чукотского и Провиденского районов, исключение делалось только для нужд личного потребления колхозников этих районов. Самолетам Магаданской авиагруппы изменили маршруты с тем, чтобы избежать их прохождения над моржовыми лежбищами Руддер и Аракамчен и не нарушать покой животных (ГАМО. Ф. П-891. Оп. 3. Д. 10. Л. 4). Добычу моржа пред-

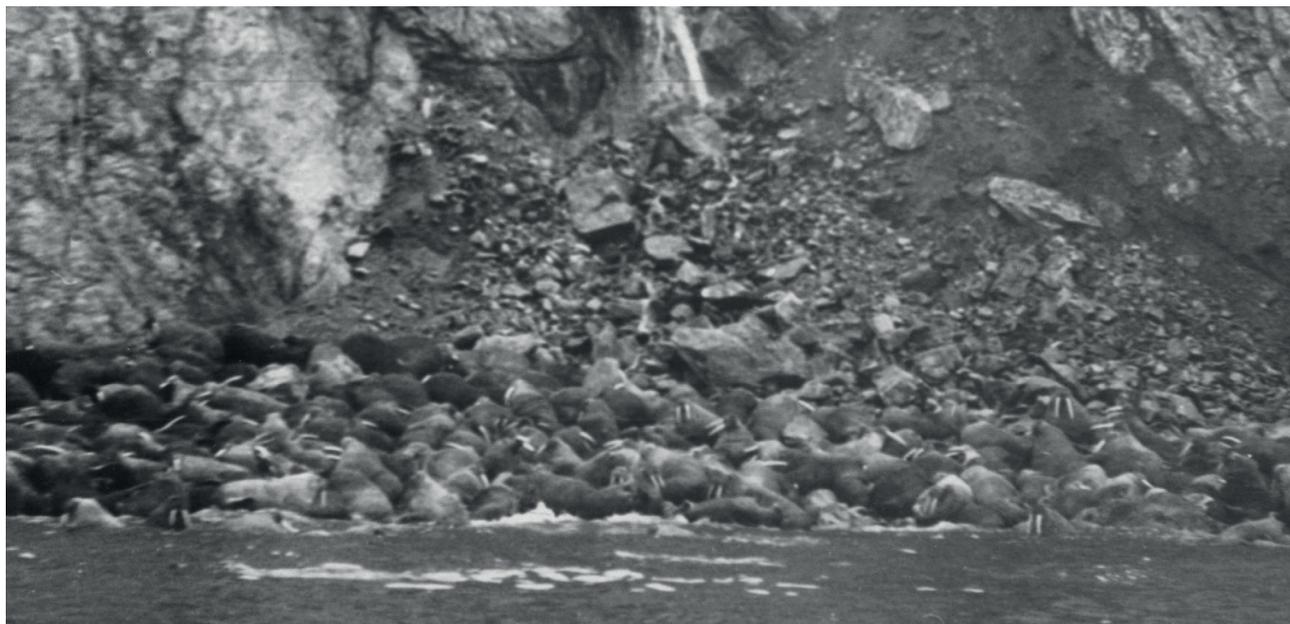

Рис. 1. Лежбище моржей вблизи с. Уэлен (Чукотский район Чукотского национального округа) [4]

полагалось компенсировать мелким зверем и китами, добывая последних силами китобойных сейнеров Пloverского и Мечигменского зверокомбинатов.

Но поскольку мелкие ластоногие давали небольшой выход продукции, зверобой были вынуждены переключиться преимущественно на добычу кита, что поставило перед хозяйствами проблему быстрой и качественной переработки туши, которая была гораздо крупнее моржовой. В этот период наметилась технико-технологическая диспропорция, которая с каждым годом становилась все острее: переработка не успевала за добычей. Дисбаланс между промыслом и обработкой отмечали руководящие советские и партийные работники: «Важной отраслью сельскохозяйственного производства ... является морской зверобойный промысел. Это ... самая старая, исторически сложившаяся отрасль хозяйства. ... Имеется достаточное количество подлинных мастеров этого дела, таких как Киртавтагин и Инескин из колхоза “Маяк Севера”, Ратхугье из “Ударника”, Анукин из колхоза “Новая Жизнь”, Аренау из “Новая заря” и другие. Есть у нас и необходимая техника для промысла. А как мы используем все эти возможности? Очень плохо. Ни один колхоз не выполняет план доходов от реализации продукции, обработка морского зверя ведется самым примитивным способом, огромное количество продукции просто пропадает. Может показаться, что для простейшей механизации обработки морского зверя потребуются большие капиталовложения? Отнюдь нет. Каждый колхоз уже в 1958 г. с помощью шефов мог [бы] оборудовать разделочную площадку, значительно облегчить труд жиротопщиц. Но этому мешает пока нетерпимый консерватизм, желание работать по старинке. Жизнь показала, что агитации и уговоров здесь недостаточно, нужна еще партийная требовательность» (ГАМО. Ф. П-891. Оп. 1. Д. 8. Л. 6, 7).

В целом материально-техническая база переработки была недостаточной и не всегда использовалась надлежащим образом. В частности, разделка китов велась крайне примитивно, и более половины каждой туши пропадало без пользы: «При переработке китов используется только китовый жир, все остальное не перерабатывается, китовые туши разбросаны по всему побережью Чукотки» (ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 283. Л. 80). Кроме того, колхозники, для облегчения промысла, зачастую добывали ки-

тов меньше положенных размеров. Эти факты вскрывались иногда весьма причудливым образом: так, один из офицеров пограничного отряда «сделал хорошую фотографию разделки кита и послал ее в журнал “Огонек”. Из редакции пришел ответ, что фотография отличная, но так как кит меньше положенных размеров, то фото нельзя помещать в журнал» (ГАМО. Ф. П-891. Оп. 2. Д. 1. Л. 100).

Во второй половине XX в. развитие морского промысла на Крайнем Северо-Востоке во многом определялось двумя важными организационно-политическими и институциональными преобразованиями: принятием постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР № 300 от 16.03.1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» и переходом Пloverского и Мечигменского зверокомбинатов и зверодобывающих колхозов в ведение Магаданского совнархоза. Этим преобразованиям сопутствовала дискуссия в руководящих кругах региона о судьбах традиционных отраслей хозяйства. Ряд руководителей стоял на позициях экономической целесообразности, которая в отношении местных жителей выливалась в крайний патернализм: государству как бы предлагалось взять все население на содержание, а не развивать крайне трудозатратные и зачастую убыточные отрасли региона. Верх, однако, взял продвигаемый высшими органами власти социально ориентированный патернализм, нацеленный на социокультурное развитие коренного населения именно через трудовую занятость в исторически укорененном природопользовании: «Кое-кто рассуждает так, что де наше сельское хозяйство стоит, когда масла разного нам везут в достатке, сало, колбасы, консервы мясные, рыбные, фруктовые, овощные прибывают непрерывно, муки у нас годовые запасы и поэтому стоит ли голову ломать над содержанием и сохранением оленей, ловом рыбы, добычей моржа и тому подобными делами. Край обживается, промышленность растет, народ с материка прибывает, вроде все в порядке. Все это правильно, но государство и партия оказывают нам постоянное внимание, заботу, щедро и богато обеспечивает область для того, чтобы мы лучше жили и успешнее поднимали хозяйство, экономику и культуру местного народа. Поскольку основная масса местных народностей живет и трудится в сельском хозяйстве, поэтому нам надо сосредоточить свои силы на

его подъеме и развитии» (ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 214. Л. 30).

Вместе с тем сокращение запасов моржа, необходимость перехода на китовый промысел и связанная с этим необходимость рационального использования добытого привели региональное руководство к идее внедрения в сельское хозяйство региона совершенно новой отрасли – клеточного пушного звероводства. По замыслу инновация также могла существенно увеличить трудовую занятость коренных жителей береговых селений, безработица среди которых была острой социальной проблемой (ГАМО. Ф. П-891. Оп. 1. Д. 8. Л. 78, 82). Кроме того, считалось, что экономически это будет выгодно, так как значительная часть пушнины шла на внешний рынок (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 294. Л. 8). Следует заметить, что эти ожидания не оправдались, и, несмотря на наличие довольно дешевого кормового сырья, выращивание пушных зверей (песцов, лисиц, норок) на Крайнем Северо-Востоке никогда не вышло на уровень рентабельности.

В 1950-е – 1960-е гг. органы власти взяли курс на достижение максимально возможно-

го объема добычи морских зверей и использование продукции не только в кругу домашних хозяйств, но и для поднятия экономики колхозов и повышения уровня жизни берегового населения. К этому времени проблема голода была полностью решена: на фоне достаточного количества привычной пищи в рацион коренных жителей также вошли привозные продукты, которые регулярно доставляли даже в труднодоступные места. Внутренний спрос на мясо и жир морских зверей полностью удовлетворялся, поэтому колхозы стали ориентироваться на выпуск товарной продукции (жир, шкуры), а также продовольственного сырья для других отраслей – пушной охоты и клеточного звероводства. Существенно менялась технология промысла за счет передачи функции добычи специально созданным морзверобойным станциям (комбинатам), которые использовали промышленные суда и орудия. Коллективные хозяйства также начали оснащаться более современной промысловой техникой (Рис. 2).

В коллективных хозяйствах в этот период сохранялся определенный баланс между внутренним и внешним потреблением, основная

Рис. 2. Морзверобойная бригада колхоза «Герой Труда» (центральная усадьба – с. Уэлен) ведет китовый промысел с моторного катера с применением гарпунных ружей. Первая половина 1960-х гг. [4]

масса зверей добывалась и полностью перерабатывалась с помощью традиционных средств. Однако морской зверобойный промысел стал терять свое основополагающее значение в традиционном природопользовании береговых хозяйств вследствие активной деятельности сторонних добывающих организаций, укрупнения береговых селений, развития торговой и снабженческой сети, постепенного отказа от содержания ездовых собак и изготовления байдар [4, с. 225].

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. зверобойные колхозы были преобразованы в совхозы. В рамках совхозного промысла добывали главным образом моржа, нерпу и лахтака. Период охоты продолжался с мая по ноябрь. Основным совхозным флотом оставались вельботы с рульмоторами. Вельбот комплектовался звеньями по 5–8 человек, в составе звеньевого, рулевого и стрелков. Стрелки охотились карабинами и нарезными винтовками (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 502. Л. 56). Промысел моржей на открытой воде и льдинах в позднесоветский период хоть и отличался от традиционного, но по-прежнему требовал от охотников больших трудовых

усилий, стойкости и личного мужества: «... Мы быстро стали приближаться [к моржам]. На носу вельбота встали гарпунеры. Ближний к нам морж с дикими, свирепо выкатившимися глазами устрашающе поднял клыки, намереваясь вонзить их в борт. Но меткий выстрел ... мгновенно сразил зверя наповал. И сразу же, с силой метнув гарпун, охотник выбросил вслед желтую подушку пых-пыха. Спустя 2–3 минуты был мастерски загарпунен и второй зверь. Привязали обе громадные туши к бортам вельбота. ... Причалив ... к круглой широкой льдине, охотники в считанные минуты разделали моржей, погрузили мясо в вельбот, отчего он осел почти до верхней кромки бортов, и мы отправились домой» [7; 8]. При высадке на берег в больших поселках добытых моржей вытаскивали из воды трактором, а в маленьких – традиционным «перекатом» (Рис. 3).

Индивидуальные охотники продолжали активный лов зимой, после установления ледового покрова, добывая мелких ластоногих (акибу, ларгу). Охоту вели с кромки припайного льда или возле небольших полыней. Зверя поражали выстрелом из мелкокалиберной винтовки, за-

Рис. 3. Вытаскивание туши моржа на берег с помощью трактора. 1960-е гг. [4]

тем вытаскивали из воды кошкой на длинном ремне с берега или на воде с резиновой лодки. До промыслового участка охотники добирались на снегоходах с санями, иногда на собачьих упряжках, но это было уже уделом пожилых охотников. Добытую нерпу тут же разделявали на льду. Мясо забирали, а шкуру часто оставляли, так как в позднесоветский период спрос на подобное меховое сырье был низким. Охотники старшего поколения также практиковали лов нерпы с помощью ременных сетей, но среди молодежи данный способ промысла популярностью не пользовался.

На промысле более крупного лахтака использовали крупнокалиберное оружие, для повышения меткости стрельбы применяли опору для ружья в виде сошки. Зверя добывали на льдинах с лодок, осторожно подгребая на расстояние выстрела, или же скрытно подбираясь к нему после высадки на лед. Шкуры молодых лахтаков продолжали пользоваться большим спросом, так как из них изготавливали ремни и подошвы для обуви [10, с. 310–312].

Китов в рамках традиционного уклада добывали в местах их наиболее близкого подхода к берегу. Основным объектом были серые и гренландские киты, а количество добытых животных не превышало 5–10 экз. на всю Чукотку. Охотники на байдаре под парусом приближались к животному почти вплотную, метали в него поворотный гарпун с поплавками, затем, вымотав кита, наносили смертельный удар копьем в сердце. В конце XIX в. морские охотники Чукотки освоили американские ручные гарпуны с капсюльными патронами (датинганы) и добойные ружья вместо поворотных гарпунов и копий. Промысел китов они вели с традиционных байдар, а также покупных американских деревянных вельботов, оснащенных парусом. В советское время в обиход местных жителей вошел новый комплекс промыслового вооружения и плавсредств, который применялся в береговых селах: вельботы с рульмоторами, противотанковые ружья, гарпунные ружья, нарезное оружие разных типов.

В позднесоветское время потребность коренного населения в продуктах морзвербойного промысла (мясо, жир, шкуры для ремней, обуви) была полностью удовлетворена, во многом благодаря тому, что добычей занимались не только члены коллективных хозяйств на собственном флоте, но и команды специальных промысловых судов, которые снабжали берего-

вых жителей в централизованном порядке. Они доставляли в береговые селения главным образом китов, что привело практически к полной утрате местными жителями навыков китовой охоты и определенным иждивенческим настроениям. В конце 1960-х гг. на промысел вышел китобоец «Звездный», который работал на нем около 20 лет: «Постепенно жители привыкли, что мясо само приходит в дом, что голода не будет – придет “Звездный” и всех накормит» [4, с. 227].

В этот период серьезным испытанием для развития зверобойного промысла стала и другая социальная проблема – межпоколенческий разрыв в передаче знаний и навыков морской охоты. В связи со сменой поколений и техническим совершенствованием промыслового снаряжения во второй половине XX в. менялись стереотипы поведения морских охотников и система взаимоотношений людей и животных. Прежде всего, изменению подверглась скорость передвижения. Скорость прежних байдар и вельботов, на которых стояли надежные, но тихоходные рульмоторы «Пента» и «Архимед», была соизмерима со скоростью передвижения зверей, то есть возможности людей и животных были примерно равны (Рис. 4). «Неторопливый» способ охоты давал широкие возможности для детального изучения береговой полосы и течений, на море и суше замечалось больше подробностей, наблюдение за зверем было более продолжительным и внимательным.

Появление же мощных рульмоторов и скорострельных карабинов намного упростило процесс добычи: «У молодых охотников произошло как бы упрощение промысловой и культурно-значимой картины окружающего мира, а взамен появилась уверенность в своем превосходстве над животными за счет техники. По данным опросов, это характерно сейчас для большинства коренных жителей Чукотки» [10, с. 288, 289]. Морской промысел стал рассматриваться как второстепенная отрасль сельского хозяйства, а не как основа древней культуры береговых жителей. Если в традиционной культуре включение молодых людей в промысел происходило естественным образом, то теперь, по мнению самих охотников, этим должно было заниматься государство.

В силу специфики морского промысла охотники старшего поколения образовывали замкнутые коллективы, доступ молодежи в которые

был затруднен: «Люди (в бригадах Уэлькальского отделения совхоза “Возрождение”. – прим. авт.) в основном все пожилые, а неподготовленную молодежь мы к себе берем без особой охоты. И это можно понять – ведь во время напряженной охоты хочется видеть рядом с собой опытного человека, который не растеряется при любых обстоятельствах, окажет тебе, если будет необходимость, любую помощь. Думается, что подготовкой морских зверобоев нужно заниматься централизованно. ... Идут годы, стареем мы, потомственные морские охотники. И с грустью думаем о судьбе нашего промысла. Кто придет нам на смену?» [12].

В конце XX в., в связи с изменением экологической обстановки, морской зверобойный промысел коренных народов Крайнего Северо-Востока претерпел значительные изменения. Главным промысловым животным в районе Берингова пролива до недавнего времени был морж, причем добыча была специализированной: для мяса добывали молодых самцов, для изготовления байдарных покрышек – молодых самок, а в целях заготовки ценного клыка – старых самцов («шишкарей»). В связи с потеплением климата и исчезновением зимних многолетних плавучих льдов, на которых

обычно залегали моржи, существенно сократилась поколка зверей на льду, которая была основным видом промысла вплоть до конца 1980-х гг. Льдов, пригодных для залегания этих тяжелых зверей, стало недостаточно, поэтому они вынуждены выходить для отдыха на берег. Обратной стороной этого сдвига стало возобновление давно угасших в результате многолетних промыслов моржовых лежбищ. Например, восстановились лежбища вблизи сел Ванкарем и Рыркайпий, охотники села Янракинот начали колоть моржей на Аракамчеченском лежбище [10, с. 310–312].

В этом виде промысла также имелись межпоколенческие противоречия. Возрастные охотники однозначно высказывались в пользу поковки на лежбищах, тогда как молодежь предпочитала более активный промысел: «Пришли к выводу, что надо на лежбищах поколом заниматься, а не гонять моржа по морю. А то ведь сейчас для молодежи промысел – азартная охота. А потому и много подранков уходит. Методом покола в прошлом году мы пользовались три раза на о. Аракамчечен. Налицо экономия патронов, горючего. Есть и другой традиционный способ – бить пиками. Не стрелять, а гарпунить» [9].

Рис. 4. Рульмотор «Пента» на вельботе. 1960-е гг. [4]

В позднесоветский период значительно возросло технологическое оснащение морзверобойного промысла. При этом сохранялись организационные и технологические диспропорции как в самом процессе охоты, так и в обработке добытого. Добыв несколько туш зверя, морзверобойные бригады должны были самостоятельно транспортировать их на берег, упуская благоприятное время для дальнейшей охоты. Разделение труда в области добычи и транспортировки практиковалось лишь в ряде наиболее мощных совхозов. Еще более острым был дисбаланс между процессом добычи и переработки: «Морской зверобойный промысел как приложение деятельности местного населения развивается односторонне. Сама добыча морского зверя – на уровне современности. Морзверобой оснащены импортными рульмоторами, хорошим огнестрельным оружием, вельботами. А вот переработка добытого – на уровне времен колхозной коллективизации» (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 605. Л. 63). Сырье и готовая продукция зачастую портились из-за отсутствия холодильников, поскольку в используемых ледниках нужный температурный режим не поддерживался. При этом внутри домохозяйств проблема не стояла так остро, поскольку коренные жители Чукотки традиционно потребляли ферментированную пищу, которая длительное время могла сохраняться в ледниках. Но в этот период значительную долю продукции колхозы и совхозы продавали организациям Чукотки и других регионов (мастерские по обработке кожи, предприятия пищевой промышленности, птицефабрики, зверофермы), для которых были важны установленные соответствующими технологиями кондиции свежести.

В целом такое положение дел приводило к парадоксальной ситуации: морзверобойные совхозы из года в год повышали добычу, но с ростом добычи возрастали и убытки: «Но чем больше мы работаем, тем больше совхоз несет убытков. А почему? Да потому, что 60–65% продукции идет в отходы, мы гробим продукцию» (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 605. Л. 75). Бесхозяйственность в сфере морского промысла дезорганизовывала колхозное производство и негативно воздействовала на менталитет коренных жителей.

Таким образом, накануне перестройки выявились значительные технологические диспропорции: если для добычи использовались современные, передовые технические средства,

то переработка велась в основном кустарными и чрезвычайно трудоемкими способами. Такое положение было обусловлено сохранением прежних установок направлять все усилия именно на добычу, а утилизация добытого оставалась на втором плане, велась силами самого коренного населения традиционными инструментами и средствами. Однако теперь население не было нацелено на полную переработку туш, следствием чего стала ненужность значительной массы морских зверей. Для питания местные жители брали только мясо, а основная масса жира и шкур, внутренности и кости оказались невостребованными как внутри домохозяйств, так и внешними организациями.

Интересы коренного населения в сфере переработки сместились от полной утилизации к частичной – помимо мяса спросом пользовалось сырье для сувенирной продукции (клыки моржа, шкуры мелких ластоногих). Оно шло на изготовление гравированной и резной кости, мелкой и крупной костяной пластики, пошив тапочек, ковриков и других мелких изделий. Выделка шкур крупных зверей (морж, лахтак) постепенно угасала. Последняя тенденция связана с возникшей гендерной диспропорцией вовлеченности коренного населения в зверобойный промысел. Если раньше все взрослое береговое население было занято добычей и переработкой, то уже со второй половины XX в. жизненные интересы мужчин и женщин стали расходиться. Для многих мужчин по-прежнему важным и престижным оставалось участие в промысле, тогда как женщины все больше и больше отходили от трудоемкой и «грязной» работы по переработке в пользу более легкой и «чистой». Женщины перестали пластать туши, топить жир, «колоть» моржовые шкуры. В результате скорняжное производство сместилось в область сувениризации и экзотизации: мастерицы предпочитали шить вещи этнического облика на продажу. К тому же мужская часть труда, как показано выше, технологически совершенствовалась, тогда как женская стагнировала: «Технология обработки кожно-мехового сырья у нас остается на уровне каменного века. Жуем зубами, мнем руками, растягиваем голыми пятками, мездрим шкуры орудием труда первобытного человека» (ГАМО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 605. Л. 48).

Таким образом, в позднесоветский период морской зверобойный промысел был отягощен тройным дисбалансом: в сфере технологии –

между добычей и переработкой, в сфере утилизации – между ценностью различных частей туши, в сфере трудоустройства – между вовлеченностью мужчин и женщин. В итоге к концу советского периода выявилась избыточность промысла, продукция которого не успевала перерабатываться. Эта избыточность была вызвана не внутренними причинами, как отголосок древних практик палеолитического населения [1], а внешним давлением со стороны органов власти, с некоторого времени идущим вразрез с инициированной государством социальной модернизацией. В целом добыча и переработка морских зверей перестали быть приоритетными занятиями коренного берегового населения Чукотки. В то же время очень важными оставались их потребности в традиционной пище, в том числе ферментированной, содержащей множество жизненно необходимых компонентов. Большую роль морской зверобойный промысел играл и в поддержании этнического самосознания значительной части коренных жителей Чукотки, ощущавших свою неразрывную историческую связь с предками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнов С.А. Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие. Люстон: Эдвин Меллен Пресс, 2002.
2. Бацаев И.Д. Сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока России 1929–1953 гг. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1997.
3. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М.: Мысль, 1989.
4. Коломиец О.П. К истории развития морского зверобойного промысла на Чукотке // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3. С. 223–231.
5. Леонтьев В.В. Об этнографическом обследовании Северо-Восточной части Чукотского района. Отчет по теме НИР. Магадан, 1965 // Архив СВКНИИ ДВО РАН, инв. № 511.
6. Никуляк Н. На промысле морского зверя // Советская Чукотка. 1953. 16 октября.
7. Новицкий В. На главных путях миграции // Советская Чукотка. 1978. 17 августа.
8. Новицкий В. Дорога домой // Советская Чукотка. 1978. 18 августа.
9. Омельченко Е. Прошлогодние проблемы // Советская Чукотка. 1991. 10 января.
10. Основы морского зверобойного промысла: научно-методическое пособие. М.: Институт Наследия, 2007.
11. Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999.
12. Темнилин В. Кто придет нам на смену? // Советская Чукотка. 1977. 16 апреля.
13. Хаховская Л.Н. Морские зверобои Чукотки в период первоначальных советских реформ // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 168–182.
14. Хаховская Л.Н. Праздник кита в ритуалах аборигенов Северо-Востока России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 3. С. 73–83.

REFERENCES

1. Arutyunov, S.A., 2002. Kul'tury, traditsii, ikh razvitie i vzaimodeistvie [Cultures, traditions and their development and interaction]. Lewiston: Edwin Mellen Press. (in Russ.)
2. Batsaev, I.D., 1997. Sel'skoe i promyslovoe khozyaistvo Severo-Vostoka Rossii 1929–1953 gg. [Agriculture, hunting and fishing in the Northeast of Russia, 1929–1953]. Magadan: SVKNII DVO RAN. (in Russ.)
3. Istoriya Chukotki s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Chukotka from early times to present days]. Moskva: Mysl', 1989. (in Russ.)
4. Kolomiets, O.P., 2019. K istorii razvitiya morskogo zveroboinogo promysla na Chukotke [To the history of the development of marine mammal hunting in Chukotka], Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki», no. 3, pp. 223–231. (in Russ.)
5. Leontiev, V.V., 1965. Ob etnograficheskom obsledovanii Severo-Vostochnoi chasti Chukotskogo rayona (sentyabr'-oktyabr' 1964 g.) [On the ethnographic survey of the Northeastern part of the Chukotka region (September-October 1964)]. Otchet po teme NIR. Archives of SVKNII DVO RAN, № 511. (in Russ.)
6. Nikulyak, N., 1953. Na promysle morskogo zverya [Hunting marine mammals], Sovetskaya Chukotka, October 16. (in Russ.)
7. Novitskii, V., 1978. Na glavnykh putyakh migratsii [On the main migration routes], Sovetskaya Chukotka, August 17. (in Russ.)
8. Novitskii, V., 1978. Doroga domoi [The way home], Sovetskaya Chukotka, August 18. (in Russ.)
9. Omel'chenko, E., 1991. Proshlogodnie problemy [Last year's problems], Sovetskaya Chukotka, January 10. (in Russ.)
10. Osnovy morskogo zveroboinogo promysla: nauchno-metodicheskoe posobie [Fundamentals

of marine mammal hunting: a manual]. Moskva: Institut Naslediya, 2007. (in Russ.)

11. Sahlins, M., 1999. *Ekonomika kamennogo veka* [Stone Age economics]. Moskva: OGI (in Russ.)

12. Temnilin, V., 1977. *Kto pridet nam na smenu?* [Who will replace us?], *Sovetskaya Chukotka*, April 16. (in Russ.)

13. Khakhovskaya, L.N., 2012. *Morskie zverboi Chukotki v period pervonachal'nykh*

sovetskikh reform [Sea hunters of Chukotka during the time of initial Soviet reforms], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 168–182. (in Russ.)

14. Khakhovskaya, L.N., 2018. *Prazdnik kita v ritualakh aborigenov Severo-Vostoka Rossii* [Whale festival in the context of indigenous rituals of Northeast Russia], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 3, pp. 73–83. (in Russ.)

